

Содержание

Введение	
Все рождается, чтобы расцвести	7
Пролог	9
1. Прилипни язык мой к гортани.....	15
2. Долго жила душа моя с ненавидящими мир	24
3. Дар здорового беспокойства.....	44
4. Почти на краю света.....	57
5. Чем нас больше, тем лучше.....	69
6. Как натянутая струна.....	87
7. Веселясь на земном кругу Его.....	98
8. Жизнь — это искусство встречи.....	108
9. Дни летели стрелой	117
10. Их видно издалека.....	127
11. Как ветвь миндаля	135
12. Съедающие народ мой, как едят хлеб	144
13. Никто не спасется в одиночку	162

14.	Резонируя с глубинными вибрациями.....	175
15.	Единственный способ стать настоящим человеком.....	188
16.	Как младенец, прильнувший к матери.....	200
17.	Чтобы помнил и стыдился.....	222
18.	Все вон и все внутрь.....	239
19.	Долиной смертной тени....	254
20.	Его жезл и Его посох успокаивают меня.....	269
21.	Нарушение мира.....	285
22.	За руку с нестигаемой девочкой.....	301
23.	По образу улыбающегося Бога.....	314
24.	Почему лучшие дни еще впереди.....	326
25.	Я — всего лишь шаг.....	346
	Послесловие Карло Муссо.....	355

Введение

Все рождается, чтобы расцвести

Книга моей жизни — это рассказ о пути надежды, который неотделим от истории моей семьи, моего народа и всех детей Божьих. На каждой странице, в каждом шаге это также книга тех, кто шел вместе со мной, кто был до нас и придет после.

Автобиография — это не частная история, а багаж. Память не только то, что мы помним, но и то, что нас окружает. Она говорит не только о прошлом, но и о будущем. Память — это настоящее, которое никогда не уходит окончательно, как сказал один мексиканский поэт. Кажется — вчера, а на самом деле — завтра.

Люди говорят «жди и надейся», и недаром в испанском языке слово *esperar* означает одновременно «надеяться» и «ждать». Но надежда — это прежде всего добродетель, подталкивающая вперед, и двигатель перемен; напряжение, которое объединяет память и утопию, чтобы в будущем воплотить мечты в реальность. И если мечта начинает меркнуть, нужно вернуться назад и оживить ее в новых образах, черпая надежду из тлеющих углей памяти.

Мы, христиане, должны знать: надежда никогда не обманывает и не предает — все рождается, чтобы расцвести вечной весной.

И в конце мы скажем лишь одно: я не помню ничего, где не было Тебя.

Пролог

Очевидцы рассказывали, что почувствовали мощный толчок, как при землетрясении. Все плавание сопровождалось сильной зловещей тряской: «Крен был такой, что нельзя было поставить на стол чашку с кофе — опрокинется». Но этот толчок напоминал взрыв бомбы. Пассажиры повывскакивали из салонов и кают, высыпали на палубы, не понимая, что происходит. День клонился к вечеру, лайнер держал курс к берегам Бразилии, к Порту-Сегуру. Это была не бомба, скорее глухой раскат грома. Судно продолжало движение, но его ход стал безумным, как у взбесившегося коня: оно кренилось все сильнее и теряло скорость. Один человек, несколько часов продержавшийся в океане на обломке дерева, потом вспоминал, что ясно видел, как отвалились гребной винт и вал. Винт, по рассказам выживших, пропорол корпус, оставив зияющую рану; вода хлынула внутрь потоком, затопила машинное отделение и вот-вот должна была залить трюм — видимо, водонепроницаемые переборки не сработали как следует.

Говорили, кто-то пытался заделать пробоину металлическими листами. Тщетно.

Говорили, оркестранты получили приказ играть дальше. Без остановки.

Судно кренилось все сильнее, сгущалась тьма, море бушевало. Когда стало ясно, что никакие заверения и угрозы на пассажиров больше не действуют, капитан приказал заглушить двигатели, включил сирену и радисты передали первый сигнал SOS.

Сигнал бедствия приняли несколько судов: два парохода и даже трансатлантические лайнеры, оказавшиеся неподалеку. Они тут же поспешили на помощь, но не могли подойти близко, так как высокий столб белого дыма грозил взрывом котлов.

Капитан через мегафон все отчаяннее пытался призвать людей к спокойствию и руководил спасательной операцией, отдавая приоритет женщинам и детям. Но когда опустилась ночь — непроглядная ночь новолуния — и электричество на борту отключилось, положение стало катастрофическим.

Спустили спасательные шлюпки, но крен судна стал критическим. Многие лодки тут же пошли ко дну, ударившись о борт, другие оказались ветхими и непригодными: они набирали воду, которую пассажиры вычерпывали собственными шляпами. Третьи, взятые с боем, опрокидывались или тонули от перегруза. На судне было много ремесленников и крестьян из долин и с равнин, которые впервые в жизни видели море и не умели плавать. Молитвы смешивались с криками.

Началась паника. Пассажиры падали за борт или бросались в море и тонули.

Некоторых охватило отчаяние. Кого-то, как писали местные газеты, заживо сожрали акулы.

В этом хаосе то и дело вспыхивали ссоры и драки, но и проявлений мужества и самопожертвования хватало. Один молодой человек помог десяткам людей и ждал своей очереди прыгнуть за борт в спасательном жилете, когда увидел старика, который молил о помощи, так как не умел плавать и не нашел места в шлюпке. Юноша отдал свой жилет старику, прыгнул вместе с ним в воду и попытался доплыть до ближайшей лодки. Он отчаянно грел, когда из волн раздались тревожные крики: «Акулы! Акулы!» Кровожадные хищники напали на парня. Мужчине с одной из шлюпок удалось вытащить его на борт, но раны оказались смертельными. Вскоре он скончался.

Когда выжившие рассказали его историю, вся Аргентина была потрясена. На родине героя, в провинции Энтре-Риос, в честь него называли школу. Он был сыном пьемонтского эмигранта и аргентинки, ему только что исполнился 21 год. Его звали Анаклето Бернади.

Задолго до полуночи корабль уже полностью наполнила вода. Он встал вертикально носом вниз и с последним оглушительным, почти звериным стоном затонул на глубине более 1400 м. Многие свидетели подтвердили, что капитан оставался на борту до конца, приказав уцелевшим музыкантам играть Marcia Reale («Королевский марш»). Его тело так и не нашли. Не подлежит сомнению, что перед самым погружением корабля раздались выстрелы, как говорят, произведенные офицерами. Сделав все возможное для спасения пассажиров, они решили избежать мучительной смерти в воде.*

* Государственный гимн Италии в период с 1861 по 1946 г. — Прим. ред.

Некоторые шлюпки добрались до ближайших судов и вместе с лодками, спущенными с других кораблей, спасли несколько сотен человек.

Поиски тех немногих, кто еще держался на воде, продолжались до глубокой ночи. Когда перед рассветом к месту трагедии подошли бразильские пароходы, в живых уже никого не осталось.

Корабль длиной более 140 м в начале века был гордостью итальянского флота. На этом престижном трансатлантическом лайнере путешествовали маэстро Артуро Тосканини, писатель Луиджи Пиранделло, Карлос Гардель — легенда аргентинского танго. Но те времена давно миновали. Война, износ, небрежность и скверное обслуживание сделали свое дело. Теперь судно называли «плясунья» из-за его плачевного состояния. Когда, к недоумению капитана, корабль отправился в свой последний рейс, на борту находилось более 1200 пассажиров, в основном эмигранты из Пьемонта, Лигурии и Венеции, а также из Марке, Базиликаты, Калабрии.

По официальным данным итальянских властей, в катастрофе погибло чуть больше 300 человек — как утверждалось, преимущественно члены экипажа. Но южноамериканские газеты приводили цифру почти вдвое больше, включая нелегальных пассажиров, несколько десятков сирийских эмигрантов и работяг из итальянской глубинки, которые отправились в Южную Америку на зимний сезон.

Власти всячески скрывали и преуменьшали масштабы крушения лайнера, который вошел в историю как итальянский «Титаник».

Не могу сказать, сколько раз я слышал историю об этом корабле, носившем имя дочери короля Виктора Эммануила III, которой также была уготована трагическая гибель в концлагере Бухенвальд много лет спустя, незадолго до окончания другой страшной войны.

«Принцесса Мафальда»... Историю о ней рассказывали в нашей семье. Передавали из уст в уста в квартале. Эмигранты по обе стороны океана слагали о ней песни: «Из Италии на “Мафальде” уплывали больше тысячи пассажиров... Отцы и матери тянули руки к детям, исчезавшим в волнах...»

Мои дедушка с бабушкой и их единственный сын Марио — мой будущий отец — купили билеты на тот корабль, который вышел из Генуэзского порта 11 октября 1927 г. и взял курс на Буэнос-Айрес. Но не сели на него. Как ни старались, они не успели распродать свое имущество. В итоге семье Бергольо* пришлось скрепя сердце обменять билеты и отложить отъезд в Аргентину.

Вот почему я сейчас здесь.

Вы не представляете, сколько раз я благодарил Божественное провидение.

* Фамилия папы в миру. — *Прим. ред.*

Прилипни язык мой к гортани...

Наконец они отправились в путь.

Дедушке с бабушкой удалось продать свое скромное имущество в пьемонтской деревне, и они поехали в Генуэзский порт, чтобы сесть на корабль «Юлий Цезарь». У них были билеты третьего класса в одну сторону. Они долго ждали, пока закончится посадка пассажиров первого класса и очередь дойдет до третьего. Корабль вышел в открытое море, последние огни маяка — старой Лантерны — растворились за горизонтом, и они поняли, что больше никогда не увидят Италию. Придется начинать все заново на другом конце света.

Было 1 февраля 1929 г. Та зима выдалась одной из самых суровых в столетии: в Турине столбики термометров опускались до 15 градусов ниже нуля, в других регионах — до 25. Федерико Феллини в одном из своих фильмов назвал 1929-й годом великого снегопада*. Всю Европу, от Уральских гор до Средиземноморья, покрыл толстый слой снега, щедро запорошило даже купол собора Святого Петра.

* «Амаркорд», 1973 г. — *Прим. ред.*

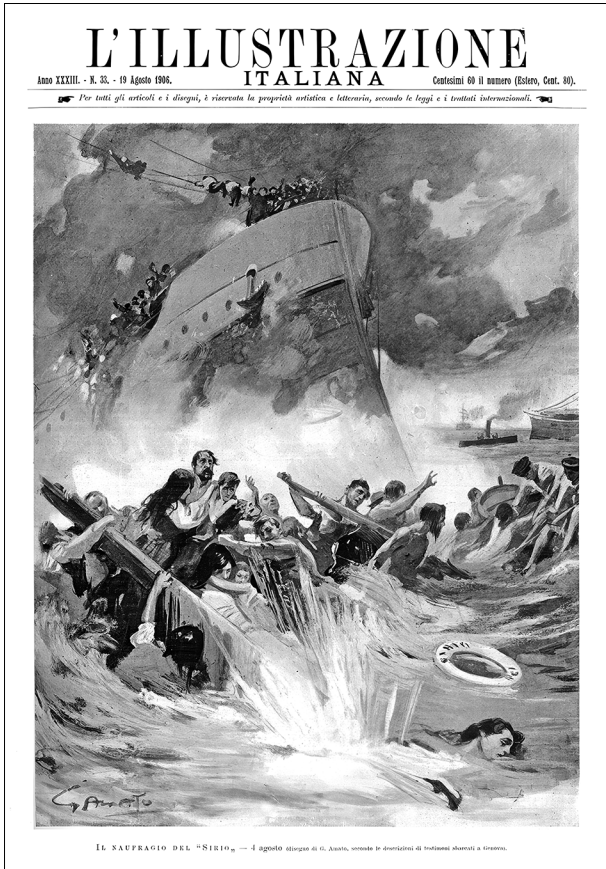
После двух недель плавания с остановками в Вильфранш-сюр-Мер, Барселоне, Рио-де-Жанейро, Сантусе и Монтевидео лайнер наконец причалил в порту Буэнос-Айреса. Моя бабушка Роза, несмотря на 30-градусную жару и высокую влажность, по-прежнему не снимала красивое пальто, в котором уехала из дома. По тогдашней моде она украсила его воротником из лисьего меха, а за подкладкой зашила все деньги, что у них были. Бабушка продолжала носить пальто, словно униформу, даже когда они сошли на берег и, задыхаясь, продвигались вглубь страны вверх по реке Парана до конечной цели — еще 500 км. Только тогда Несгибаемая, как прозвали бабушку, решила, что можно ослабить бдительность.

В порту прибытия всех троих зарегистрировали как «заморских переселенцев». Дедушка Джованни, бывший крестьянин, которому удалось открыть кафе-кондитерскую, числился торговцем, его жена Роза — домохозяйкой, а сын Марио, мой отец, к великой гордости родителей окончивший курсы бухгалтерии, — счетоводом.

Многие соотечественники разделили с ними это долгое путешествие надежды. Миллионы людей на протяжении целого столетия уезжали из Италии в Америку — в Соединенные Штаты, Бразилию, но особенно много в Аргентину. Только в Буэнос-Айрес за четыре года до того памятного 1929-го отправилось более 200 000 человек.

Память о страшном крушении «Мафальды» еще жила, и это не единственная рана с конца прошлого века. В те годы была очень популярна песенка «Мамочка, дай мне сто лир, я хочу уехать в Америку» — гимн поколений переселенцев, который, что характерно, заканчивался описанием морской катастрофы. Особенно интенсивной была сезонная миграция. Осенью, когда в Италии сбор урожая заканчивался, люди отплывали из Генуи, чтобы успеть собрать второй в Южном

полушарии, где как раз начиналось лето. Весной многие возвращались домой с несколькими сотнями лир, бóльшая часть которых оседала в карманах организаторов и посредников. Расплатившись с ними и купив обратный билет, мигранты нередко оставались с несколькими десятками лир в кармане в качестве вознаграждения за четыре-пять месяцев каторжного труда.

«Сириус», «Фриска», «Мафальда»:
истории этих трагедий сливались и переплетались

Смерть во время путешествия была частой спутницей мигрантов: 50 человек погибли от голода и лишений на кораблях «Маттео Бруццо» и «Карло Раджо», отпльвших в 1888 г. из Генуи в Бразилию; 20 задохнулись на «Фриске». В 1893 г., поднявшись на борт «Ремо», мигранты поняли, что билетов продано вдвое больше, чем мест, и на корабле вспыхнула холера. Мертвых сбрасывали за борт. Число пассажиров ежедневно уменьшалось на несколько человек. В итоге корабль даже не приняли в порту. А потом случилось крушение «Сириуса», в котором погибли 500 итальянских мигрантов, направлявшихся в Буэнос-Айрес. В народных песнях, которые пели под аккордеон на пьемонтских холмах и на новой родине, истории тех трагедий сливались и перемешивались: «Сириус» становился «Мафальдой» и наоборот — новые слова ложились на ту же печальную мелодию.

Но люди все равно уезжали. Прежде всего от бедности, но иногда и от гнева: чтобы изменить судьбу, спастись от ужасов Первой мировой войны и надвигавшейся Второй, избежать участия в боевых действиях, ведь все уже насмотрелись смерти в лицо. Люди стремились воссоединить семьи, искали лучшие условия для жизни, чтобы больше не терпеть нужды. Эта история не нова: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было...» * «Хуже, чем было, уже не будет. В крайнем случае буду голодать там, как голодал дома. Разве не так?» — рассуждает один переселенец в книге очерков «На океане» (Sull'Oceano)** Эдмондо Де Амичиса, тоже пьемонтца и автора знаменитого «Сердца» (Cuore)***.

* Еккл. 3:15.

** Де Амичис Э. На океане. Итальянские сборники. — СПб.: Primavera, 1909.

*** Де Амичис Э. Сердце. Записки школьника. — М.: Камея, 1993.

Мигранты часто шли на огромные жертвы и преодолевали много трудностей, лишь бы попасть на корабль, — чаще всего поддавшись уговорам миграционных агентов, которые приходили в деревни во время ярмарок и расписывали Америку как край чудес, землю обетованную. Они получали от миграционных компаний плату за каждую семью, которую удавалось убедить покинуть родные места, и в прессе их порой сравнивали с работоторговцами. Миграционные агенты распространяли в деревнях и селах брошюры и поддельные письма от тех, кто уже перебрался на другую сторону мира. Некоторые даже уверяли, будто крестьянин, потерявший в Америке трудоспособность, может рассчитывать на щедрую пенсию; другие гарантировали предоставление права собственности на землю.

Первым испытанием для мигрантов была дорога до порта. Они продавали скудное имущество, чтобы заплатить вербовщикам, зачастую алчным и бессовестным, которые не раз, пока новый закон не попытался навести в этом деле хоть какой-то порядок, попросту скрывались с деньгами.

Путь к порту напоминал паломничество, иногда индивидуальное, иногда семейное, а порой и коллективное: люди шли целыми общинами, словно в крестном ходе, под звон колоколов, которые потом нередко увозили с собой на кораблях. Многие приходили за несколько дней до отплытия и разбивали лагерь прямо на пристани.

Некоторым так и не суждено было ступить на желанную землю — океан отверг или поглотил их навсегда. А те, кому это все-таки удалось, высадившись в Буэнос-Айресе, сталкивались с грубой, жестокой реальностью. Мигрантов размещали в так называемом Отеле для иммигрантов, который представлял собой огромный барак, где после медосмотра, регистрации и дезинфекции можно было оставаться максимум пять дней — за это время нужно было найти работу в городе или в сельской

местности. Вот как это описывал в начале XX в. корреспондент *Corriere della Sera*: «За последние три дня прибыло 3800 переселенцев, большей частью наши соотечественники. Отель для иммигрантов забит до отказа. <...> Он (и это называют отелем!) стоит на бесформенной, неровной, грязной пустоши между мутной, беспокойной Рио-де-ла-Плата и городом. <...> Едкий запах карболки не может перебить тошнотворную вонь, которая исходит от скользкого грязного пола, старых деревянных стен и сочится из открытых дверей, — запах скученности, нищеты, человеческого горя. <...> Выше, на досках, остаются более явственные следы этого горестного пути — я назвал бы их отпечатками душ. Имена, даты, любовные признания, проклятия, воспоминания, непристойности, нацарапанные на краске, написанные карандашом, вырезанные на дереве. Чаще всего рисовали корабль».

Конечно, этот этюд, обращенный в прошлое, не случаен — он отражает ностальгию, тоску по родине. «Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя...» (Пс. 136:6) — говорят изгнанники, вспоминая Иерусалим. И волхвы, в сущности, выражают то же чувство: они тоскуют о Боге. Эта тоска разрушает конформизм и заставляет стремиться к желанным переменам, в которых мы нуждаемся. Тоска по корням — здоровое чувство, ведь народ без корней обречен, а человек — болен. Именно из корней мы черпаем силу, чтобы двигаться вперед, приносить плоды, расцветать. Как говорит аргентинский поэт Франсиско Бернардес, «все расцветающее на дереве питается тем, что скрыто под землей».

События прошлого, его знаки и царапины перекликаются с настоящим, с другими портами и морями.

Моим родным повезло больше. Они приехали в Буэнос-Айрес по приглашению братьев деда, которые переехали в Аргентину

еще в 1922 г. и сумели устроить себе хорошую *suerte**: начинали простыми рабочими, строили дороги от речного порта до сельских окраин, но вскоре открыли собственную фирму по укладке мостовых и асфальта и дела их шли в гору. После регистрации семья не стала задерживаться в «Отеле для иммигрантов» и двинулась дальше, в провинцию Энтре-Риос, в город Парана, где двоюродные деды с нетерпением их ждали. Они жили в четырехэтажном доме — палатце Бергольо, который построили своими руками. Это был первый дом с лифтом во всем городе. Каждый брат занимал один из четырех этажей: Джованни Лоренцо, Эудженио, Эрнесто и мой дед Джованни Анджело. В Пьемонте остались только старший брат деда Карло и единственная сестра Луиза, которая вышла замуж и стала Мартиненго. Семья наконец воссоединилась, насколько возможно, — именно ради этого и уехали мои дедушка и бабушка.

Мой будущий отец, молодой бухгалтер, работал управляющим. Но недолго. Мировой кризис 1929 г. — Великая депрессия — расползлся все шире. А вскоре один из моих двоюродных дедов, Джованни (Хуан) Лоренцо, он же президент компании, заболел лейкемией и лимфосаркомой и умер, оставив вдову Элизу и троих детей. Двойной удар — экономический крах и семейная трагедия — оказался фатальным. В 1932 г. им пришлось продать все: оборудование, фирму, дом, даже семейную часовню на кладбище. Они остались ни с чем, в полной нищете, буквально без штанов. Предстояло все начинать с нуля, и они так и сделали. С той же решимостью, что и в первый раз.

Но тогда, впервые ступив на аргентинскую землю тем жарким февральским утром, ни мой будущий отец, ни дедушка, ни бабушка, которая под палящим солнцем не снимала свое шерстяное пальто, конечно, еще не знали, что их ждет.

* счастливая судьба, удача (*исп.*).

Как не знали тысячи, миллионы женщин и мужчин, которые прошли этим путем до них и последуют за ними. Среди них были ремесленники, лесорубы, строители, шахтеры, санитары, кузнецы, плотники, сапожники, портные, пекари, механики, стекольщики, маляры, повара, мороженщики, парикмахеры, каменотесы, торговцы и счетоводы, а также несметное количество крестьян и батраков. Они несли с собой нищету, трагедии и шрамы, оставленные на них судьбой, но также силу, мужество, упорство и веру, а еще множество талантов, которые, как в притче из Евангелия от Матфея (25:14–30), ждали лишь возможности принести плоды. Эта армия оборванцев ждала только шанс, чтобы построить добрую половину Нового Света. Впрочем, так оно и вышло. Это народ вольный и упрямый (*rassa postrana libera e testarda* — *пьем.*), как выразился в прекрасном, щемящем стихотворении Нино Коста — один из крупнейших пьемонтских поэтов того времени, который умер от горя, не в силах вынести гибель сына, 19-летнего партизана. Бабушка Роза заставила меня в детстве выучить наизусть эти стихи, написанные на пьемонтском диалекте: «О золотые от пшеницы аргентинские равнины... неужели вы никогда не слышите дуновения монферратского ветра или напева горной песни?» Эти строки посвящены пьемонтцам, работавшим вдали от Италии. Иногда они возвращаются на родину «и на накопленные деньги приобретают домик или клочок земли и растят дочерей...» А иногда «лихорадка или хворь от непосильного труда приводит их к безымянной могиле, затерянной на чужбине».

Вот почему много лет спустя, отправляясь в первую поездку за пределы Ватикана в качестве понтифика, я знал, что должен ехать на Лампедузу. Этот крошечный остров в Средиземном море стал форпостом надежды и солидарности, но также символом всех противоречий и трагедий миграции, морским кладбищем для многих, слишком многих жертв. Когда за несколько недель

до поездки я узнал об очередном кораблекрушении, мысль об этом не давала покоя, точно заноза в сердце. Я должен был поехать туда, хотя изначально это не планировалось. Ведь и я родился в семье эмигрантов. Мои отец, дед и бабушка, как и многие другие итальянцы, уехали в Аргентину и разделили участь тех, кто остался ни с чем. Я тоже мог оказаться среди сегодняшних изгоев, поэтому в моем сердце всегда звучит вопрос: почему они, а не я?

Я должен был поехать на Лампедузу, чтобы помолиться, выразить сочувствие, поблагодарить и поддержать волонтеров и жителей этого маленького острова, которые подавали замечательные примеры солидарности. А главное — чтобы пробудить нашу совесть, напомнить об ответственности.

В пьесе Лопе де Веги «Фуэнте Овехуна» жители одноименной деревни убивают командора-тирана, причем делают это так, чтобы нельзя было установить, кто именно нанес смертельный удар. И когда королевский судья спрашивает: «Кто убил командора?» — все отвечают: «Фуэнте Овехуна, сеньор». Все и никто. Сегодня подобный вопрос встает с прежней остротой: кто виновен в пролитой крови? Никто! Мы все отвечаем примерно так: я — нет, я здесь ни при чем, это кто-то другой, но точно не я.

Перед лицом глобального безразличия, которое превращает всех нас в «безымянных», как персонаж романа Алессандро Мандзони «Обрученные» (*I Promessi sposi*)*, — ответственных без имен и лиц, забывших собственную историю и судьбу. Перед лицом страха, грозящего свести нас с ума, вновь и вновь эхом отдается вопрос Бога к Каину: «Где... брат твой? <...> Голос крови брата твоего вопиет ко Мне...»**

* Мандзони А. Обрученные. — М.: Азбука, 2025.

** Быт. 4:9, 10.

Долго жила душа моя с ненавидящими мир

Эмиграция и война — две стороны одной медали. Говорят, война — величайшая фабрика мигрантов. И это верно. Так или иначе, изменения климата и нищета — во многом горькие плоды необъявленной войны, которую человек ведет против справедливого распределения ресурсов, природы и собственной планеты.

Мир с каждым днем становится все более элитарным и жестоким по отношению к аутсайдерам, изгоям, выброшенным за борт. Развивающиеся страны продолжают терять лучшие природные и человеческие ресурсы в угоду горстке привилегированных рынков.

Подлинное развитие всегда инклюзивно, плодотворно, направлено в будущее, к грядущим поколениям. Ложное же, эксклюзивное развитие всегда и везде делает богатых еще богаче, а бедных — еще беднее. Бедным не прощают ничего, даже самой их бедности. Им не позволено быть слабыми или падать духом, их считают либо угрозой, либо ни на что не способными.

Им не дано увидеть свет в конце туннеля нищеты и страданий. Дошло до того, что стали разрабатывать и внедрять враждебную архитектуру*, лишь бы избавиться от их присутствия, убрать с глаз долой даже с улиц.

Можно возводить стены и блокировать проходы, тешить себя иллюзией безопасности за счет тех, кто остался снаружи. Но это не будет продолжаться вечно. «День Господень», о котором говорили пророки (Ам. 5:18; Ис. 2–5; Иоил. 1–3), сокрушит барьеры между странами и заменит высокомерие элит солидарностью многих. Маргинализация миллионов людей не может длиться бесконечно. Их крик становится все громче и разносится по всей земле. Как писал дон Примо Маццолари, известный итальянский священник, пророческий, светлый и неудобный голос неклерикального духовенства, «Бедняк — это постоянный протест против нашей несправедливости; бедняк — пороховая бочка. Поднеси к ней огонь, и мир взлетит на воздух».

Невозможно игнорировать настойчивый призыв, с которым Слово Божье обращается к нам через бедных. Куда ни посмотри, компас Священного Писания указывает на тех, у кого нет самого необходимого: угнетенных, сирот, вдов, чужестранцев, мигрантов. Иисус не побоялся отождествить Себя с этим бесчисленным множеством людей: «...так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40). Не приближенным, не единомышленникам, а меньшим, голодным, жаждущим, нагим. Уклониться от этого отождествления — значит выхолостить откровение, исказить Евангелие, превратить

* Особый вид городского дизайна, разрабатываемый с целью отвращения нежелательного использования общественных пространств и объектов (например, скамейки с подлокотниками, мешающими прилечь, или шипы под мостами). — *Прим. ред.*

его в фольклор и спектакль вместо живого присутствия. Для христиан нет «первых», кроме «последних, которые будут первыми»*. Эти «последние» каждый день взывают к Господу, моля избавить их от бед. «Последние» — те, кто оказались на экзистенциальных окраинах наших городов, обманутые и брошенные умирать в пустыне, те, кого пытаются, насилуют и унижают в лагерях, отважились бросить вызов волнам безжалостного моря.

Сегодня войны идут в одних регионах мира, но оружие для них производят в других — там, где отвергают и гонят прочь беженцев, порожденных этими конфликтами, в которых используется то самое оружие.

Что такое война, я узнал от дедушки Джованни еще в детстве. Из его уст я впервые услышал эти горькие истории. Он участвовал в битве при Пьяве**. В июне 1904 г., когда ему было 20 лет, его признали негодным к военной службе из-за синдрома торакальной недостаточности. Он был ростом 166 см, с темными волнистыми волосами и карими глазами. Дедушку освободили от трехлетней службы, и он вернулся домой, в родной Портакмаро. А через два года, в начале 1906-го, уехал в Турин, где сначала был разнорабочим в лавке тканей у дяди Карло, одного из первых, кто перебрался в столицу региона, а потом устроился в кафе ликеристом. Обычная история, неразрывно связанная с судьбами многих молодых людей той эпохи: появление первых промышленных центров, бегство из деревни в город в поисках

* Мф. 19:30: «Многие же будут первые последними, и последние первыми»; Лк. 13:30: «И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними».

** Битва при Пьяве — сражение у реки Пьяве между итальянскими и австро-венгерскими войсками во время Первой мировой войны, с 15 по 23 июня 1918 г. — *Прим. ред.*

свободы и лучшей доли, стремление вырваться из тисков нужды и лишений.

Но у каждого эмигранта в душе есть заветное место. Для Бергольо таким местом всегда оставалась деревня в Портакомаро с крутыми склонами и орешниками. Вот почему в феврале 2001 г., за несколько часов до того, как Иоанн Павел II возвел меня в сан кардинала Буэнос-Айреса, я в последний раз поднялся по дороге к Брикко-Марморито. Смотрел на холмы, виноградники, старый дом. Погрузил руки в землю и набрал полную пригоршню. Здесь родился мой дед, здесь умер его отец Франческо, здесь наши корни...

Я вернулся в Портакомаро, уже будучи Папой, на 90-летие кухни Карлы, в ее дом. Вместе с ней и кузенком Элио мы ели аньолотти* и пили гриньолино — местное вино. Время от времени я звоню им, и мы говорим на пьемонтском диалекте — это первый язык, который я выучил. Бывает, что Элио в это время играет в бочке** в клубе, и тогда я перекидываюсь парой слов со всеми присутствующими. Для них я по-прежнему Джорджо***.

В Турине Джованни встретил Розу, мою бабушку. Роза Маргарита Вассалло была его ровесницей и тоже приехала из деревни. Родилась она у подножия святилища Тодокко, в местечке Пьяна-Криксия, что в провинции Савона, на границе Лигурии и Пьемонта, а в Турин попала ребенком. Семья была большая, и бабушку, восьмую из девяти детей, отдали на воспитание

* Пьемонтская разновидность равиоли. — *Прим. ред.*

** Разновидность игры с шарами. — *Прим. ред.*

*** Имя Папы Франциска при рождении — Хорхе (*исп.* Jorge), Джорджо (Giorgio) — уменьшительное на пьемонтском диалекте. — *Прим. пер.*

тете по матери, тоже Розе, которая вместе с мужем Джузеппе, сапожником, работала консьержкой в одном из палаццо в центре города. Родителям девочки, моим прадедушке Пьетро и прабабушке Анджеле, это решение далось нелегко. Они долго думали, советовались с приходским священником и учительницей и в конце концов решили, что эта живая, любознательная, смышленная девочка, которая, несмотря на трудности, так тянулась к знаниям, должна получить хотя бы начальное образование и шанс на лучшую жизнь. В восемь лет Роза покинула родные края и, преодолев более 140 км, оказалась в огромном городе, где улицы и площади казались бескрайними, дома теснились друг к другу, а уличные фонари будто никогда не гасли благодаря чуду под названием «электричество», которое пришло из Парижа и двигало трамваи без помощи лошадей. У дяди с тетей своих детей не было, обоим перевалило за 50, и они приняли девочку с радостью, как родную дочь. Бабушка навсегда сохранила нежную привязанность к тете Розе, да и к родителям с братьями и сестрами, конечно. Даже оказавшись на другом краю света, она продолжала поддерживать связь со всеми: письма, новости, фотографии сплетались в единую нить.

Когда дед увидел ее в Турине в начале XX в., она была хрупкой, но смелой девушкой с каштановыми волосами и большими глазами и работала швеей. Молодые люди полюбили друг друга и 20 августа 1907 г. обвенчались в церкви Санта-Тереза. Они поселились в двух шагах от храма, и, когда год спустя, 2 апреля 1908 г., родился их первенец Марио Джузеппе Франческо, мой отец, его крестили там же.

Я непременно хотел помолиться в этой маленькой жемчужине барокко, столь важной для моих бабушки с бабушкой и отца, когда в июне 2015 г. приехал в Турин с пастырским визитом на представление Туринской плащаницы. Прикоснуться губами к той купели было все равно что вернуться домой.

Теперь у деда Джованни были жена и маленький сын. Вместе с бабушкой они уже мужественно пережили немало горя. Но ничто не могло спасти Джованни от мировой войны, разразившейся в следующем десятилетии. Ненасытный зверь войны требовал больше новой плоти: призывали всех резервистов. Дедушке было уже 30.

*Эшелон из Турина
Не остановится в Милане.
Он мчится прямым на Пьяве,
На кладбище юности.*

Деду присвоили личный номер 15 543. В заключении призывной комиссии было сказано: молодой человек с круглым подбородком (точь-в-точь как у меня) и заостренным носом, профессия — владелец кафе. Синдром торакальной недостаточности никуда не делся, но теперь это не сочли препятствием. В начале июля 1916 г. деда определили в 78-й пехотный полк, расквартированный в Казале-Монферрато, а в ноябре отправили на передовую — на Пьяве и Изонцо, к итало-словенской границе севернее Гориции, в район горного хребта Саботино. Немногим ранее на этом хребте дон Маццолари потерял единственного брата, воевавшего в составе 28-го артиллерийского полка.

Дед провел в окопах долгие месяцы, в круговерти все более жаростных боев.

Я многому научился из его рассказов. Даже язвительным песенкам про армейских шишек и короля с королевой.

*Генерал Кадорна пишет королеве:
«Хочешь Триест увидеть, пришло тебе открытку».
Бом-бом-бом — грохочут пушки.*

*Генерал Кадорна лопает бифштексы,
Бедному солдату — каштаны и орешки.*

*Генерал Кадорна ест, пьет да дрыхнет,
А солдат на фронте сгинет и не охнет.*

*Генерал Кадорна был когда-то кучер,
А осликом в упряжке — Виктор Эммануил.
Бом-бом-бом — грохочут пушки.*

Один капрал в увольнении, молодой каменщик из бергамских долин, спел пару таких куплетов и получил шесть лет военной тюрьмы за пораженчество и неповиновение...

Дед рассказывал мне об ужасе, боли, страхе, отупляющей абсурдности бессмысленной войны. Но также о случаях братания между вражескими войсками, ведь пехота с обеих сторон состояла из крестьян, рабочих, простых тружеников. Перекидывались шутками с помощью жестов, мимики, коверкая чужой язык. Делились табаком, куском хлеба, какой-нибудь мелочью — словом, чем могли; устраивали короткие передышки, чтобы хоть немного облегчить страдания и изоляцию окопной жизни. Разумеется, все это делалось тайком, в строжайшем секрете: командование могло отреагировать на такие проявления человечности крайней жестокостью, вплоть до расстрелов. Случалось даже, что артиллерия была по своим же позициям, чтобы пресечь контакты между солдатами, которые месяц за месяцем, год за годом все яснее понимали: враги вблизи, глаза в глаза, совсем не похожи на тех уродливых монстров, что рисовала военная пропаганда. Это такие же бедолаги с тем же затравленным, испуганным взглядом, которые сидят и мучаются в той же грязи. «С тем же

настроением, только форма другого цвета»*, — как поется в песне одного итальянского барда.

Что остается после войны? Прежде всего — ее жуткие итоги. Только в дедовом 78-м полку насчитали 882 убитых, 1573 пропавших без вести и 3846 раненых. Все это его однополчане, товарищи, друзья.

«Командование будто с ума сошло, — писал в мемуарах один пьемонтский пехотинец, лейтенант, отправленный на Изонцо с 68-м полком. — Вперед! Невозможно? Что с того? Все равно вперед! Сущее безумие. Те, кто строчил приказы, отдавали их издалека; должно быть, наступающая пехота через бинокль смотрелась эффектно. Генералы не были с нами, они видели колючую проволоку только в углах своих кабинетов».

«Боеприпасы, которые никогда не кончаются, — это люди», — с циничной жестокостью заметил начальник Генштаба генерал Кадорна. А другой высокопоставленный офицер докладывал правительству: «На Изонцо люди гибнут потоками».

Жертвы войны исчислялись миллионами. Половина из мобилизованных погибла, получила тяжелые ранения или пропала без вести. По самым скромным подсчетам, военных и мирных жителей полегло не меньше 15 млн. Но эту цифру можно смело умножить на четыре, если учесть последствия испанки — эпидемии, которая сплелась с войной в смертельном танце, как часто случается и в сегодняшних конфликтах.

В итоге это и впрямь была чудовищная «бессмысленная бойня», как писал Папа Бенедикт XV в своем проникновенном

* Строка из песни *La guerra di Piero* («Война Пьеро»), автор и исполнитель Фабрицио Де Андре (1940–1999). — *Прим. ред.*

послании главам воюющих государств*. Он назвал войну самоубийством континента.

Мой дедушка уцелел. Его перевели в 9-й берсальерский полк в Асти, и он покинул поля сражений. В декабре 1918-го его отправили в бессрочный отпуск, а затем демобилизовали со свидетельством о «хорошем поведении» и 200 лирами выходного пособия. Примерно 300 евро по современным меркам — награда за то, что остался жив. Прошло три года, прежде чем он смог воссоединиться с семьей. «Долго жила душа моя с ненавидящими мир» (Пс. 119:6). Как многие деды Италии и Европы, он вернулся к жизни дважды: сначала как уцелевший солдат, а потом как свидетель для детей и внуков.

Что еще оставляет после себя война? Несправедливость, которая громоздится на несправедливости. В памяти всплывают слова дона Лоренцо Милани, священника, учителя, великого просветителя-бунтаря, написанные вместе с его учениками в 1965 г.: «Мы взяли учебники и перелистали сто лет итальянской истории в поисках “справедливой войны”». Не наша вина, что не нашли. <...> Когда мы учились в школе, наши учителя, прости их Господь, подло обманывали нас. Некоторые бедняги искренне верили в то, что говорили: лгали нам, потому что сами были обмануты. Другие знали, что лгут, но боялись. Большинство же просто были легкомысленны. Если их слушать, все войны велись “за Родину”. Учителя забывали указать нам на очевидное: войска идут в бой по приказу правящего класса. <...> Я обязан предупредить моих мальчиков, что их несчастные отцы страдали и заставляли страдать других на войне, защищая интересы

* Папа Бенедикт XV (1854–1922) направил открытое письмо с призывом к миру главам воюющих государств 1 августа 1917 г. — *Прим. ред.*

ограниченного круга лиц (к которому даже не принадлежали!), а не собственной Родины. <...> Меня обвиняют в неуважении к павшим. Неправда. Я чту память этих несчастных жертв. Именно поэтому считал бы оскорблением восхвалять тех, кто послал их на смерть, а сам остался в безопасности. <...> К тому же почтение к мертвым не должно заставить меня забыть о моих живых детях. Я не хочу, чтобы их постигла та же трагическая участь. Если однажды они смогут пожертвовать жизнью, я буду гордиться, но пусть это будет во имя Бога и угнетенных, а не ради господина Савойи или Круппа».

Что в итоге оставляет война? Как правило — семена нового конфликта, нового насилия, новых заблуждений и ужасов. Многие историки отмечают, что нацистский режим и ультранационализм в разных частях Европы во многом являются порождением предыдущей войны. И сегодня гонка вооружений, борьба за сферы влияния, агрессивная и силовая политика никогда не приводят к стабильности. Никогда. Разумных войн не существует: война не приносит ничего, кроме страданий, оружие — ничего, кроме смерти. Война глупа. Народ почти всегда это понимает, ведь он не глуп. Альберт Эйнштейн писал: «Мое мнение о человеческой расе достаточно высоко, чтобы поверить, что этот мерзкий призрак давно бы исчез, если бы здравый смысл народов не подавлялся систематически оголтелой пропагандой»*.

У моего деда Джованни Анджело Бергольо, родившегося в 1884 г. в деревушке Брикко-Марморито в Портакмаро, сына Франческо Джузеппе и Марии Бруньано, войны — и та, через которую он прошел, и та, что уже надвигалась, — оставили стойкий антимонархический настрой на всю жизнь.

* «Мир, каким я его вижу». Пер. А. Бродоцкой.

«Это несправедливо! — говорил он. — Несправедливо, что народ должен кормить эту шайку бездельников-дармоедов, да еще и расплачиваться собственной шкурой за их привилегии и грехи! Пусть идут работать!» Помню его ликование, когда в июне 1946 г. пришла весть о поражении монархистов на референдуме, в результате которого в Италии установилась республика, — тогда впервые голосовали и женщины. Только на принцессу Мафальду, которую ветераны и эмигранты саркастически называли Мальфэ*, антисавойский пыл деда не распространялся: она довольно натерпелась, заплатила за всех, говорил он.

После отъезда дедушки на другой край света его мать, моя прабабушка Мария, дважды проделывала долгий путь из Италии, чтобы навестить его и братьев. Она была очень добрым человеком. Там, в Аргентине, она и умерла во второй свой визит, в начале 1930-х гг. Прабабушка родилась в 1862 г. в Сан-Мартино-Альфьери, в нескольких километрах от Асти, а скончалась в аргентинской провинции Санта-Фе, где сыновья асфальтировали участок национальной автомагистрали Ruta. Там ее и похоронили.

Долгие годы я чувствовал, что мне чего-то не хватает, ведь почитание усопших в нашей семье всегда было священным долгом. Через пять лет после похорон полагалось эксгумировать останки и перекладывать в гроб поменьше, и я помню, с какой любовью и благоговением мама исполняла этот скорбный долг, даже протирала кости спиртом. Словом, мне не доставало прабабушки. Наконец лет 20 назад мне удалось разыскать ее могилу и перенести останки в семейный склеп к детям и другим родственникам. Теперь она покоится с семьей своего сына Эудженио на английском кладбище Хосе-Паса. А ее сын

* Malfait (*фр. устар.*) — безобразный, худой, плохой. — *Прим. пер.*

Джованни, мой дед, похоронен на кладбище Хардин-де-Пас. Он умер 30 октября 1964 г. в возрасте 80 лет в итальянском госпитале от рака. Я тогда преподавал в Санта-Фе.

Если о Первой мировой войне я слышал от деда, то о Второй узнал в Буэнос-Айресе из рассказов множества эмигрантов, которые приехали туда, спасаясь от новой бойни. Их было так много... Миллионы. Итальянцы, немцы, поляки... Многие поляки устроились на ту самую фабрику, где потом работал мой отец. Слушая этих мужчин и женщин, мы, подростки, начали понимать, что произошло. Мы узнали о бомбежках, преследованиях, депортациях и концлагерях. Мы осознали, чем была та новая страшная война. Вот почему я считаю крайне важным, чтобы молодежь понимала, каковы последствия двух мировых войн прошлого века: эта память — болезненное, но бесценное сокровище для формирования сознания.

Это сокровище даже способствовало развитию итальянского и европейского искусства. Родители водили нас на все фильмы великих мастеров неореализма: Росселлини, Де Сика, Висконти. Тогда показывали сразу три картины: главную и две второстепенных. Мы брали из дома бутерброды и проводили в кинотеатре целый день. Я убежден, что неореализм и итальянское послевоенное кино — это великая школа гуманизма. Фильм «Дети смотрят на нас» (*I bambini ci guardano*), которым Де Сика предвосхитил ту эпоху, стоило бы показывать всем, кто собирается вступить в брак. Я часто упоминаю о нем, когда венчаю молодоженов. А некоторые сцены из фильма «Рим — открытый город» Роберто Росселлини врезались в память навсегда: Анна Маньяни и Альдо Фабрици стали нашими учителями борьбы, надежды, мудрости. Маньяни любила говорить примеру на съемках: «Оставь все морщины, ни одной не убирай.